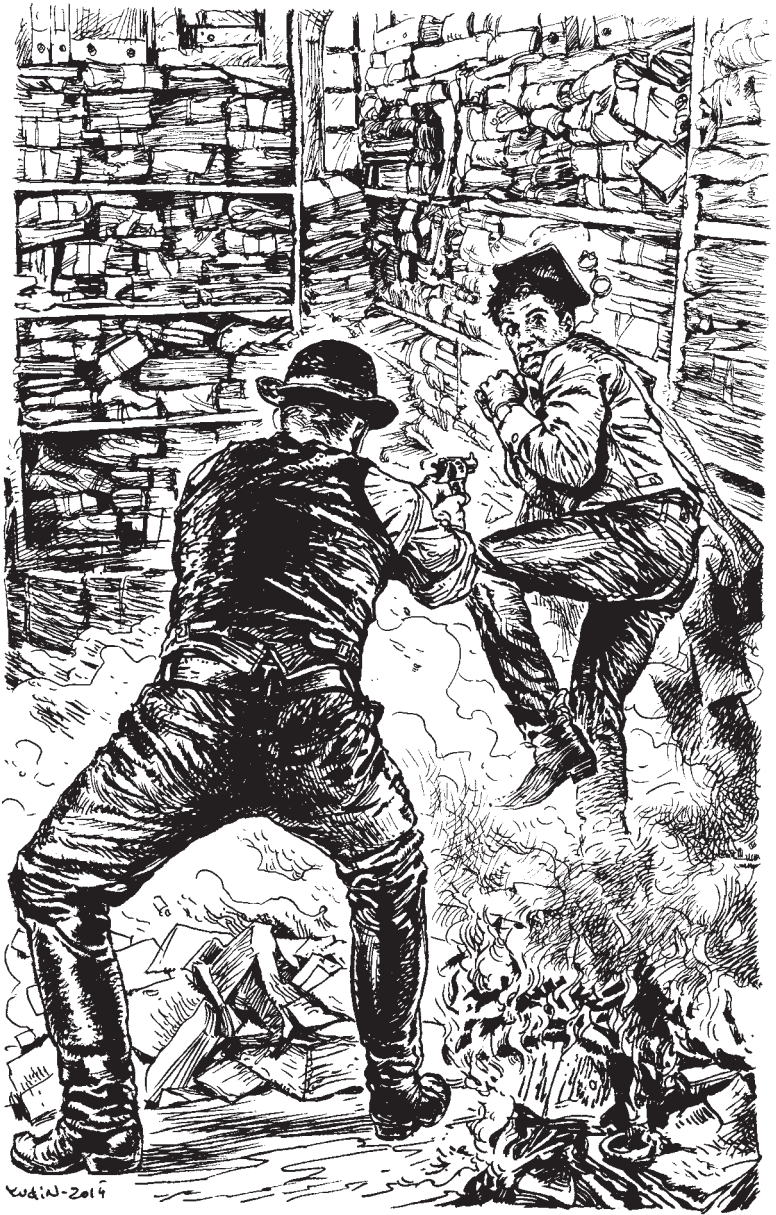

Книги Владимира Ильина
в серии
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ТОМ ДЖОУ
ПОВЕЛИТЕЛЬ МИРАЖЕЙ
ШЕРИФ
ВОСЬМОЙ ЗВЕРЬ

Kudin-2014

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ВЛАДИМИР ИЛЬИН

**ВОСЬМОЙ
ЗВЕРЬ**

РОМАН

Москва, 2015
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
И46

Серия основана в 1992 году
Выпуск 938

Художник
О. Юдин

Ильин В. А.

И46 Восьмой зверь: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015. — 346 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1919-7

Семь великих домов зорко присматривают из-за высоких стен за соседями — такими же кровожадными, как они сами. В дни войны они встанут плечом к плечу перед угрозой. В дни мира с радостью вцепятся друг другу в глотку, убивая ради золота и власти. Нет жалости к тем, кто не входит в семью. Нет помощи тем, кто не входит в твой род. Нет уважения к тем, кто не принадлежит твоему Великому Дому. Только перед своим Повелителем склонят они голову, обменивая верность на титулы и медальоны магии. Разумеется, если тот будет не слишком слаб, чтобы его власть забрал более сильный.

Такова жизнь владения, разделенного семью Повелителями, что правят магией семи Зверей. И вот в таких условиях простой парень с улицы попадает в столичную академию на место слуги. Если, конечно, можно назвать простым пасынка ночного короля города, приставленного охранять разменную пешку в играх аристократов.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Ильин В. А., 2015
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015

ISBN 978-5-9922-1919-7

ПРОЛОГ

— Крышку держи, цепляй!

Среди клубов раскаленного пара десятков каторжан пытались удержать кожух паровоза, вцепившись в металлические тросы. Что-то огромное и безумно злое билось внутри котла в попытках разбить сдерживающую его темницу и вырваться на волю.

— Где гребаный маг? — провиснув после очередного рывка на канате, возопил один из каторжников.

Крышка опасно сместилась, вырываясь из пазов, выпуская на волю часть заключенного монстра. Сплетенный из огненных лент, от желтого до ярко-алого, лепесток разумного пламени выстрелил в сторону людей, пытаясь дотянуться до пленителей. Даже отсюда, за два десятка метров от происходящего, дохнуло жаром, а каково было каторжанам, Георг старался не думать. Его откровенно пугало происходящее, хоть он и знал, что перед глазами шокированной публики, медленно пятившейся к огромным воротам столичного вокзала, разворачивается профессиональное шоу. Еще минута — и когда ситуация уже будет на грани краха, на сцену выйдет маг-избавитель, одним гневным жестом и словом усмиряющий огненного духа.

Люди должны знать, что силы, движущие поезда, находятся под контролем. Чтобы не бояться.

Георг досадливо поморщился и отвернулся к информационной стене — жена с ребенком увлеченно рассматривали происходящее, не давая ему повода покинуть перрон под благовидным предлогом. Признаться, их поведение его расстраивало даже сильнее собственной трусости — в человеке должна быть осторожность. Но его сын в шестнадцать лет не торопился радовать отца ни осторожностью, ни силой воли, ни

другими чертами, за которые хочется гордиться наследником. Частые простуды в детстве, излишняя забота матери — и получился капризный рохля. Как он пройдет академию без сонма няnek и слуг? Далеко не в первый раз возникали в его голове сомнения в правильности этого решения, но спорить с женой он не отважился. Это ее решение, вызванное обычным детским «хочу». Однако, чувствовал Георг, если что случится — виноватым все равно сделают его. Дернувшись от неприятной мысли, он широкими шагами направился внутрь вокзала, оставив родных досматривать представление.

Даже любимый образ детства, самая волшебная вещь его жизни — огромная карта владения, занимавшая целую стену вокзала, — не добавила хорошего настроения. А ведь когда-то он часами мог изучать ее, рассматривая, как движутся по волшебной карте модели поездов, обозначая реальное местоположение чугунных исполинов, их скорость и даже состав вагонов.

Теперь Георг то и дело недовольно морщился, отмечая неточности в филигранном исполнении карты. Само полотно смотрелось безупречно в художественном плане — идеальный круг великих стен, обрисованный с невероятной тщательностью, нерушимой преградой опоясывал владение. За границами стен ярились дикие звери — ужасные, суть ночного кошмара, с огромными клыками, алыми глазами, полными злобы ко всему людскому. И через весь этот ужас лучом цивилизации и уверенности за пределы стен тянулись четыре железные дороги — на север, восток, юг и запад, соединяя владение с добрыми соседями. Но не внешние земли заставляли досадовать почтенного отца семейства, а вовсе даже внутренняя карта, увы, застрявшая во временах прадедов.

Шесть отрезков исходили из самого центра — из границ круга, аккуратно поименованного «Арни», столицы владения, — и другим концом примыкали к стенам, через шесть равных интервалов, разделяя владения великих домов. Карта смотрелась гармонично и красиво, но совсем не соответствовала настоящим границам. Да и тех границ, если честно, не было в действительности — ни заборчика, ни разделительной межи. Аристократы попросту выкупали деревушки, где уговорами, а где силой понуждая пойти под свою руку. Истинные границы можно было увидеть, ежели указать на карте

собственность высоких домов, но таких карт уж точно не печатали, и на каждом углу они не продавались. Еще можно было спросить жителей приграничных городов, таких, как сам Георг, — они-то точно знали, что земляца вокруг города давно уж продана дому Змеи, хоть на улицах регулярно подновляют штандарты дома Тигра. Благо на сам город аристократы претендовать не могли и жителей налогами не душили. Но велика ли разница — брать мзду с дома или забирать подати через дорогие продукты? Хозяева размеченных на карте территорий — Повелители, — казалось, вовсе не интересовались положением дел, собирая свою дань уже с аристократов и градоначальников, словно не их дом притесняют. Георг недовольно покачал головой — хорошо хоть урожаями Храмы не обижают, замаливая землю, а так не миновать бунтов, вызванных жадностью одного дома, но подавляемых теми, кто должен бы следить за своими землями повнимательнее.

Все довольно сильно напоминало семь семей, живущих под одной крышей, — вроде и места у всех одинаково, а поди ж ты, то там притеснят соседа, то в другом месте перегородку подвинут, то на кулачках подерутся. Стена у всех одна, так что разумение имеется, и разрушений сильных не творят, а придет черед — так и встанут всем скопом против внешнего врага. Но пока нет угрозы — цапаются да приворовывают друг у друга. И нет над этими семьями единого хозяина, потому порядку не бывать.

— Дорогой, я же говорила, нас встретят! — Вечно недовольный голос второй половинки оторвал его от пространных рассуждений и заставил обернуться.

Благообразный господин, с сединой в висках, в форме служащего железных дорог, склонился перед Георгом в глубоком поклоне, правой рукой указывая в сторону ненавистного поезда.

— Прошу вас, госпожа, господин, молодой господин. Всего пара шагов, не больше!

Дождавшись от отца семейства согласия, служащий вокзала повел за собой колоритную пару с ребенком — стройную даму, одетую в синее платье по последней моде, с приземистым — на две головы ниже нее — мужчиной. Немного неуклюжая походка и заметная одышка выдавали в Георге кабинетного работника с солидным стажем. Впрочем, тот и не

скрывал своей профессии, а вовсе даже наоборот — то и дело одергивал полу сюртука, чтобы окружающий мир мог полюбоваться многочисленными значками и орденами, украшавшими шитые камзола. Повод для гордости имелся — такой коллекцией наград за выслугу мало кто мог похвастать. Рядом семенил подросток, статью и высоким ростом похожий на мать, упитанный, с зелеными глазами и зализанными набок, как у отца, светлыми волосами.

Процессия подходила прямо к роскошной паровой карете, сиявшей хромированным металлом ободов и декоративных накладок. Механический монстр на шести колесах заставил главу семейства подтянуться и где-то даже набраться храбрости, чтобы не показать испуга перед любимой: подумаешь, паромобиль. Он даже катался на одном таком же вместе с мэром их городка — единственным владельцем технологического чуда. Правда, у того модель была куда поскромнее, пахивала спиртом и уж точно не была такой огромной, гулко рычащей голосом пустынного хищника.

Мужчина неспешно обернулся, чтобы явить уверенность и храбрость пред ликом супруги, с чувством превосходства заметил на лицах своей семьи суеверный ужас и восторг и уже хотел небрежно пригласить занять свои места, как взгляд уцепился за суету возле их вагона.

Позади трое работяг споро выгружали из вагона многочисленные чемоданы с вещами.

Глава семейства было встрепенулся, глядя, как семейное добро складировать на подъехавшую конную телегу, но распорядитель тут же успокоил:

— Ваш багаж сию минуту доставят в номера, не извольте беспокоиться! Господин архимаг лично повелел выделить вам места в лучшей гостинице города! — чем вызвал незаметный вздох облегчения у мужчины и прилив надменности у женщины, которая тут же передумала изображать испуганную провинциалку. — Вас же он велел доставить в Академию. Все готово для наилучшего решения дел юного господина.

Величественно поблагодарив распорядителя и вложив ему в руки потрепанный, но полновесный золотой, семейство разместилось в карете.

— Видишь, Георг, в столице все еще помнят мою мамá,

графиню Тасами. — Женщина с превосходством взглянула на мужа.

— Быть может, до столицы дошли слухи о моем повышении, — как-то не слишком уверенно произнес Георг, провожая глазами отъехавшую телегу с поклажей.

— Ну конечно же второму помощнику мэра нашего городка будет лично заказывать комнаты архимаг, — победоносно припечатала женщина и отвернулась в окно со своей стороны.

— Как-то это все необычно и внезапно, — пошамкал губами мужчина.

Даже в родном городе, где Георг был далеко не последним человеком и частенько принимал «подношения», в том числе и высококлассным обслуживанием, с ним и его семьей не вели себя столь обходительно. И уж тем более никто не подавал им парокареты!

— Столица, — произнесла жена, растянув гласные в слове. Вышло настолько величественно и загадочно, что все сомнения моментально погасли, уступив место предвкушению чего-то хорошего.

Карета неспешно двигалась по широкой, ровной, словно водная гладь, дороге. Почтенное семейство с восторгом рассматривало сквозь окна кареты величие столичной архитектуры, построенной еще во времена первой династии и с тех пор нерушимо грозящей небу высокими шпилями островерхих башен.

Чем ближе был комплекс магической Академии, тем чаще высокие заборы, увитые плющом и лепниной, закрывали обзор на особняки знати. Вскоре дорога и вовсе превратилась в зеленый коридор — столь обширны были владения богатеев и столь сильно было их нежелание пускать чужие взгляды в личную жизнь.

— Мама, а у нас есть такой же дом? — Сын непоседливо бросался от окна к окну, порываясь просунуть голову в зазор между стеклом и верхней рамкой.

Гретта на мгновение задумалась, рассказывать ли сыну о семейном особняке в черте элитной части города. Территория и дом, по ее настоянию, круглогодично сдавались внаем за очень крупную сумму денег. А потому ответ был очевиден.

— Сынок, мы решили, что тебе будет комфортней жить в общежитии академии, — уклонилась Гретта от прямого отве-

та. Мало ли, сын закапризничает и потребует семейное гнездо под жилье? На какие тогда деньги ей покупать новые платья и украшения? — Все великие маги жили в общежитии, ты же хочешь стать архимагом?

Парень надулся от величия и серьезно кивнул.

Между тем карета подъехала к центральному входу главного здания Академии. Знакомое большинству граждан по дагеротипам и немногому их числу персонально, величественное здание исполином нависало над центром столицы, при этом совершенно не просматриваясь из самого города. Разве что владельцы ближайших особняков и поместий могли бы похвастаться чудесным видом храма науки из окна. А вот из самой Академии город был виден как на ладони. Загадочность эффекта приписывали мастерству древних, отмахиваясь от скучных пояснений магов-теоретиков.

Шестиэтажная громадина сияла праздничными украшениями и шарами, всюду бродили десятки господ, сопровождавая первый шаг в карьере детей. Атмосферу веселья ничуть не ухудшали преподаватели в строгих серых мундирах, с напускной серьезностью прогуливающиеся под строгими рядами гербов. Порою даже на их лицах мелькала тень усмешки, повторяя общий настрой широкой академической площади, но если кто и замечал подобное, то даже не вздумал бы отзеркалить их улыбку — не ровен час, примут за издевательство над одним из семи родовых знаков Повелителей или, что, быть может, даже хуже, семью символами веры под ними.

Впрочем, различие между верхним и нижним знаками было совершенно незначительным, и несведущим в геральдике даже показалось бы, что они дублируют друг друга. Змея, Волк, Тигр, Орел, Пума, Касатка и Нетопырь воинственно смотрели с расшитых родовыми цветами полотен. Под ними отдельно, символизируя отделение светской власти от духовной и свободы веры, размещались те же изображения, но выполненные серебряным шитьем. Нынешним летним днем суровые покровители смотрелись не мрачными исполинами, а скорее дивным украшением теплой поры. Даже юноши и девушки, беспечные и счастливые по причине возраста и торжества момента, натываясь взглядом на изображения, украшающие верхнюю фронтальную часть колоннады входа, максимум на пару мгновений преисполнялись благоговения,

чтобы вновь вернуться к веселому гомону сверстников. Над гербами Повелителей скромно разместился знак академии, мягко намекая всем присутствующим, что ни титул, ни родство не имеют внутри стен учебного заведения никакого значения. Правда, более мудрые сразу же уточняют: ровно до того момента, как эти стены придется оставить, что происходит — на секундочку — почти каждый день.

Супружеская пара покинула карету с поистине дворянским изяществом. Даже юный Филипп на сей раз предпочел соблюсти все приличия и теперь смиренно стоял рядом с отцом, тем не менее совершенно некультурно раскрыв рот на окружающую красоту, но моментально преисполнился благородного поведения от легкого подзатыльника матери. Позади послышался шум колес отъезжающей колесницы. В ту же секунду к семье подошел молодой господин и учтиво представился:

— Старший функционал Бертран, рад приветствовать уважаемых гостей архимага лично. Мне доверено провести экскурсию в этот день открытых дверей и решить все ваши вопросы в меру своих сил. — Бертран с присущей всем молодым энергией и напористостью за время фразы успел пожать руку главе семейства, обозначить поцелуй запястья дамы и потрепать Филиппа по голове. — Разрешите начать. — Господин вежливо подхватил даму и Филиппа под руки и быстро повел в сторону входа.

Семейство разве что успело ошарашенно кивнуть, как уже ступало по мраморному полу главного холла.

— Здание было построено еще до первой династии и, как вы можете наблюдать, сохранилось в совершенно прекрасном виде. — Бертран уловил недовольство дамы от быстрого перемещения и замедлил шаг. — Академия пережила две смуты, темные времена, шесть войн, в трех из которых подвергалась штурму, но, — он обвел рукой окружающее великолепие девятиметровых потолков, золота и лепнины, — каждый раз здание восстанавливалось само.

— То есть как это «само»? — Несмотря на все усилия, Грета еле сдерживалась от демонстрации провинциального любопытства, а вот сынишка уже давно забыл про происхождение и всю крутил головой.

— Уникальное свойство зданий той эпохи, — важно ответил экскурсовод. — Любое повреждение со временем зарастает само по себе. Одна из неразгаданных загадок Первых.

— Вы хотите сказать, внутреннее убранство точь-в-точь прежнее, как и тысячи лет назад? — нашел момент вставить словечко глава семьи, полностью отстраненный от диалога и весьма недовольный этим.

— Что вы, сохраняется базис постройки — перекрытия, фундамент, стены, крыша. Все прочее — новодел, в том числе золото, увы. Тем не менее подобных домов осталось не так уж и много, — уважительно ответил Бертран. — Но главное чудо Академии — в невероятном целительском эффекте, который может ощутить каждый на ее территории.

— Как в храмах? — заинтересовался Георг, резко замедляя шаг, — за получасовой сеанс в храмах требовали серебрушку, а тут можно было гулять целый день!

— Даже сильнее, — подтвердил его мысли функционал. — И абсолютно бесплатно, на всем протяжении обучения.

— Я бы не назвала это «бесплатно», — нейтрально поведала супруга, сетуя на невероятную дороговизну билета.

Функционал предпочел воздержаться от комментариев, продолжая движение по залу, пока не остановился у начала длинной портретной галереи.

— Самые известные выпускники.

Гретта с удовольствием могла констатировать, что большинство из лиц на ростовых портретах ей знакомы, пускай заочно, по дагеротипам и картинам.

— Ого! — неопределенно высказался ее муж, благоговейно уставившись на регалии мундиров. Язык медалей и знаков отличий ему как чиновнику был более чем понятен.

— Да-да! Большинство представителей знатных семейств покорили в свое время первую, вторую, а иные, — уважительный жест на изображение воина в традиционной сутане, шитой серебром, — даже третью ступень.

— А-а, простите... — Последнее замечание слегка встревожило Гретту. — Вторая ступень? Разве обучение не идет всего три года? — От мысли, что придется платить в два, а то и три раза больше, по телу дамы прокатилось неприятное чувство. На обучение уже была отложена колоссальная сумма, на пару лет отодвинувшая планы Гретты на обновление гардероба и ремонт особняка.

— Обучение юного господина продлится всего один цикл длительностью три года, совершенно верно, — примиритель-

но улыбнулся функционал. — Вторая ступень — это боевая магия.

— Мама, я хочу быть боевым магом! — Филипп требовательно потянул маму за подол платья.

— Конечно, дорогой. Ты обязательно будешь самым-самым сильным! — Дама успокаивающе погладила сына по голове. Незачем ему пока знать, что вся его жизнь распланирована на долгие годы вперед и участия в войнах в ней не предусмотрено. А там, глядишь, подрастет и образумится. Пора бы уже.

— А что на третьей ступени? — заинтересовался Георг.

— Индивидуальный путь совершенства. — Сопровождающий громко поздоровался со стайкой подростков, а те, не оглядываясь, привычным хором пожелали ему долгого здоровья. — Для получения достойной должности вполне достаточно одного курса. — Бертран отошел к стене, пропуская очередную шумную группу учащихся. — Большинство студентов завершают свой путь именно на этом шаге.

— А, простите, с чем это связано? — Георг увлекся совершенно новой темой. За всю свою жизнь ни он, ни его окружение знать не знали о каких-то иных курсах. Все градские маги, те еще чванливые и заносчивые типы, даже словом не обмолвились о такой возможности. Неужели недоучкам просто стыдно? Интересная тема! Будет о чем поговорить меж своих по приезде.

— Условия поступления и процент смертности... — Бертран поспешил сменить скользкую тему. — А вы знаете, что в этом году поступает первый наследник рода Змеи?

— Сам Роберт? — Гретта взглядом прервала мужа, пожелавшего было вернуться к обсуждению обучения. — Вы хотите сказать, что он будет учиться вместе с моим Филиппом? — Калейдоскоп перспектив так и закружился в глазах практичной дамы. Это же верный путь в высший свет через дружбу детей!

— Вообще-то на первый год зачисляются десять групп, так что — увы, — развел руками Бертран, — ничего нельзя сказать точно.

Между тем группа зашла в одну из аудиторий, ныне пустующую. Длинные ряды парт и стульев амфитеатром возвышались над местом лектора.

— Но архимаг обещал поспособствовать... — намекнула Гретта, улыбаясь функционалу.

— Если его милость будет лично формировать группы, не избежать скандала. — Бертран подошел к окну, оставив семейство посреди зала. — Сами понимаете, с подобной фигурой захотят учиться многие. Любое решение его милости по этому поводу неизбежно породит обиженных.

— Может, как-то можно договориться? — Подзуживаемый яростным взглядом второй половинки, вперед выступил Георг. Ему как чиновнику не в первый раз вести подобные переговоры. — Например, щедрое дарение в фонд преподавателей? Или преподавателя?

Бертран отвернулся от окна и заинтересованно посмотрел на Георга. Незаметным, но вполне понятным жестом он пригласил главу семейства подняться и присесть за крайнюю верхнюю парту. Двинувшуюся было за ними Гретту остановил очередной жест.

Двое мужчин двадцать минут о чем-то переговаривались, порою срываясь на яростный шепот, а иногда и вовсе замолкая на пару минут. Гретта с надеждой ждала результата, баюкая на коленях заснувшего сына, — дорога изрядно измотала всех. Наконец мужчины завершили торг и с разными выражениями лица спустились вниз. И если Бертран чуть ли не сиял от удовлетворения, то ее муж, увы, еле сдерживал кислую мину, пряча чековую книжку во внутренний карман сюртука.

— Все будет в лучшем виде, я вас уверяю! — Функционал довольно кивнул. — Изволите поехать в гостиницу? — Господин указал на сонного паренька, разбуженного переменой в обстановке.

— Пожалуй, да, — кисло отозвался Георг. — Нам должны были заказать номера.

— Истинно так, карета уже дожидается вас у входа. Позвольте, я вас провожу.

Обратное шествие было менее торжественным. Гретта озабоченно посматривала на мужа, но все же поостереглась открыто спрашивать о сумме.

Перед входом действительно поджидал знакомый паромобиль.

Дождавшись, когда здание академии скрылось из виду, жена все же не сдержалась:

— Сколько? — И было в этом вопросе столько эмоций, что муж даже как-то съезжился от предчувствия.

Вместо ответа Георг достал чековую книжку и продемонстрировал копию чека, отпечатанную через кальку на специальной подложке.

— Ты с ума сошел!

— Проживешь пару лет без новых тряпок, — угрюмо огрызнулся мужчина.

— Да тут не только новые тряпки! Это же почти все имеющиеся средства! — Жена беспокоило пыталась составить список, от чего ей придется отказаться. Балы, званые приемы, посиделки с подругами. Да от всего, что составляло светскую жизнь! Останется лишь на скромное, хоть и сытое, но такое скучное существование. — Ах! — Дама попыталась упасть в обморок, но из-за очередной кочки на дороге чуть не прикусила язык.

— А если бы он отказал, ты бы меня со свету сжила, — недовольно отозвался Георг.

Что правда, то правда, молча констатировала Гретта.

— Будем считать вложением в наше будущее, — примиряюще закрыла она тему. Ох, только бы они подружились! — А сегодня мы будем праздновать!

— Заедем в ресторан? — оживился мужчина.

— С ребенком? Закажем в номер, — игриво улыбнулась Гретта, поправляя прядь волос. — Как в те времена, когда ты ухаживал за мной.

Между тем карета остановилась перед роскошным зданием отеля. Учтивые слуги чуть ли не на руках донесли семейство до пятикомнатного номера. Неслышными теньями обслуга за пару минут сервировала богатый стол с напитками и так же незаметно пропала. Впереди у супружеской пары была длинная приятная ночь, полная тихих стонов и длинных разговоров о будущем в перерывах.

А вот утро не было столь благостным. Все началось с того, что пара не обнаружила завтрака в гостиной.

Казалось бы, мелочь, но метрдотель взволновал новостью, что номер был оплачен всего на ночь, и попросил либо оплатить проживание, либо покинуть номер до вечера. Никакие ссылки на архимага не произвели на персонал ни малейшего

впечатления. Какое-то недопустимое головоплетство! Более того, так и не прибыли их вещи!

Скрежеща зубами, Георг выписал чек, а семья временно переселилась в номер попроще. Глава семьи, ушедший разбираться в возникшей накладке, вернулся через три часа далеко не в лучшем настроении.

— Дорогая, нас ограбили.

Мрачное выражение лица не оставляло ни надежды на сомнения.

ГЛАВА 1

— Пришло время прощаться. — Передо мной присел Роуд и взлохматил мне прическу. — Засветился при снятии средств, надо бежать. Прости, малыш, взять тебя с собой не могу.

Впервые со смерти родителей набежали слезы. Это было действительно больно — потерять очередной островок надежды и уверенности.

Роуд посидел еще некоторое время, пытаясь заглянуть мне в глаза, но я молча отводил взгляд.

— Там два сундука вещей под твой размер. Я не стал их продавать, потом посмотришь. — Еще одна его фраза упала в бездонную тишину комнаты. — Знаешь, что с ними надо делать? Не попадешься?

— Выбросить все примечательные вещи, носить только магазинные, спороть именные нашивки и кружева, — хмуро отозвался я.

— Верно. — Еще одна неловкая пауза. — Не унывай. Я правда не могу взять тебя.

— Верю.

— Когда-нибудь мы обязательно встретимся, — все-таки поймал мой взгляд и улыбнулся. Я не удержался и улыбнулся вслед за ним. Силе его обаяния никто не может противостоять, вот и я не устоял. — Деньги в условленном месте. Помнишь, как надо их тратить?

— Крупные менять заранее, платить только мелкими монетами, держать при себе два кошелька на случай грабежа. Больших сумм с собой не таскать. Золота не светить, — заученно перечислил прописные истины существования в пригороде.

— Ты справишься, большой уже, — подбодрил. — Прощай.

Через полминуты хлопнула входная дверь, а я вновь остался совсем один.

Роуд исчез так же внезапно, как и пришел в мою жизнь. Когда это было? Да, почти четыре года назад.

Я тогда «работал» на городском вокзале, устроенный туда милостью очень важного человека. Был бы он пекарем — месил бы я тесто да торговал хлебом. Ежели торговцем — стоял бы я за прилавком да зазывал народ у входа. Но один из ночных хозяев города понял мою просьбу по-своему и озаботился пристроить на прибыльное место — обворовывать пассажиров транзитных поездов.

Очередной поезд, суматоха и океан дыма на платформе, всюду снующие грузчики и вышедшие размять ноги пассажиры. Стоянка поезда длится полчаса, но даже за это время случиться может многое. Например, может пропасть один из чемоданов у обеспеченного господина. Именно у богатого или зажиточного, никакой последней котомки старушки или единственной сумки работяги. Богатые не потребуют остановки поезда и сами не дернут рычаг стоп-крана, не вцепятся клещом в начальника станции, требуя найти грабителей. Потому как для бедных это все, что они имеют, а богатым — повод приобрести обновку.

В тот раз я деловито уцепился за объемный баул — один из двух, оставленных под зорким приглядом соседей вышедшим на перрон пассажиром. Пригляд был настолько ответственным, что даже не спросил у юноши в форме станционного грузчика, куда это он поволок массивную поклажу.

Уверенность в действиях, хороший внешний вид и напор — три кита, на которых держалась моя стратегия. Любой посторонний видел во мне не воришку, а человека, занятого своим делом. Так что я особо не волновался, ровно до того мига, пока мое плечо не сдавила мертвая хватка рослого мужика в военном мундире.

— Гаденьш, это ты куда пополз с моими вещами? — Другая рука обворованного пассажира взметнулась было дать мне оплеуху, но была схвачена другим мужиком, куда более предстательно выглядевшим. — И ты с ним заодно? — рыв-

кнул первый, резким движением освободил свою пятерню и отступил на шаг.

— Простите, сударь, но тут какая-то ошибка. — Второй миролюбиво поднял руки. — Это нанятый мною юный господин, я велел ему забрать мой багаж, но, видимо, он спутал вагон.

— Сейчас позову стражу, и пусть разбирается. — Мужик вроде чуть успокоился, но продолжал буравить нас злыми глазами. Наверно, не в первый раз терял вещи.

— Я вас уверяю, давайте пройдем в мой вагон — у меня точно такой же багаж. Парень просто спутал.

Я сделал виноватый вид и ангельским взором посмотрел на мужика.

— Простите, господин! Я действительно обознался! — Я покаянно опустил взгляд.

Тень сомнения посетила лик мужика, и он все-таки решился посмотреть на поклажу моего спасителя. Удивительно, но багаж оказался в точности таким же. Еще пара минут взаимных извинений, серебристый кругляш, перекочевавший из рук в руки, — и проблема была решена к обоюдному удовлетворению сторон.

Только тогда меня прошиб холодный пот и задрожали ноги. Момент осознания того, что сделали бы с пойманным вором. Минимум — отрубленные пальцы на правой руке, по взрослой шкале максимум — каторга. И второе куда хуже, так как со временем монстры шахт оторвут все конечности. Да, гильдия прикрывает своих работников, за что ей и платят треть добычи, но вряд ли стража простила бы кражу у военного. Кто же знал? На вещах-то не написано...

Мой спаситель двинулся в сторону города, а я, даже не спрашивая, вцепился в его баул и потащил за ним вслед.

Вот так мы и познакомились с Роудом.

Было ясно, что за спасение потребуют плату — золотом или работой. Я предпочел бы сбежать, ограничившись словом «спасибо» издали, но верно оценивал свою скорость против скорости молодого мужчины на десять лет старше, да еще без единого признака лишнего веса или кабинетной работы. Если тот еще и крикнет, призывая на помощь стражу, дела мои станут совсем плохи. Потому по пути прикидывал варианты расчета со спасителем, мысленно отбрасывая са-

мые грязные из них. На совести есть пара трупов, порезанных, искалеченных, но в рамках самообороны и собственного выживания, делать из этого профессию я не собирался.

— Приличный, недорогой отель с хорошей кухней. — Первая фраза, адресованная мне после выхода с вокзала.

Несложная задача для того, кто какое-то время жил в городе. Невозможная для тех, кто не видел города дальше привокзальных трущоб. К счастью, большая часть моей жизни прошла в таких «недорогих, но приличных» заведениях, пока семья не купила себе дом. Было это, на тот момент, около года назад, за такой период вряд ли что-то изменилось.

Уже через пятнадцать минут мы дегустировали кухню уютного заведения, сидя за одним столом. Роуд удовлетворенно отодвинулся от стола и с интересом наблюдал, как я без аппетита доедаю свою порцию, помогая себе ножом и вилкой.

— Надо же, какие манеры. — Он молчал и ехидно щерился. — Давно работаешь «грузчиком»?

— Прилично.

— Должник?

Многие на вокзале отрабатывают долги за родителей, за провинности, настоящие и выдуманные теми, кто сильнее. Уличные музыканты, нищие, карманники, лоточники с утра до ночи зарабатывают звонкую монету для своих хозяев. Вечная работа без надежды выбраться из кабалы.

— Сам по себе.

Такие, как я, — редкость. Сложно зацепиться за «хлебное» местечко, работая только на себя. Особенно в моем возрасте. Так что мне, можно сказать, повезло. Век бы не видать такого везения.

— Работа нужна? Приличная. Гильдейский взнос на мне. Доход — в десять раз выше самого удачного дня на вокзале.

— Сказки, — скептически хмыкнул я, с некоторым сожалением отодвигаясь от пустой тарелки, в том же движении скрывая столовый нож в рукаве.

Там, где большие деньги, рядом ходят неприятности того же размера. А если он скажет, что и делать ничего не придется, — впору бежать не раздумывая.

— Спорим? — В глазах Роуда родился азарт и та искорка обаяния, о которой я уже упоминал. — Пойдем. — Он убрал салфетку с колен и двинулся к выходу.

С интересом, приправленным крупной горсткой скепсиса, я направился за ним — после обретения какого-никакого, но оружия стало гораздо спокойней. Да и вокруг уже — не вокзал с подозрительной стражей, а приличный район, отлично мне знакомый. Местные жители предпочитают не геройствовать, заступая дорогу беглецу, так что легко сбегу.

К моему удивлению, первым делом мы пошли в парикмахерскую, где мои лохмы привели в невиданный за последний год порядок и отмыли от сажи. Потом — магазин готовой одежды, и уже после Роуд потащил меня, основательно осоловевшего от перемен, в городской парк. Некоторое время мы гуляли, после чего подсели к двум очаровательным девушкам в богатых платьях из южного шелка, в длиннополых шляпках, — они вели неспешный разговор давних подруг, — я с краю скамьи, а Роуд ближе к дамам.

Уже через пару минут между ними потекла беседа, как между старыми знакомыми. Я услышал в исполнении Роуда грустную историю о бросившей его с ребенком жене и нелюдимом сыне, пораженном такой трагедией. Мое выражение лица в тот момент полностью соответствовало истории. Но еще большее удивление возникло, когда эти две кумушки присели рядом со мной и начали щебетать какие-то сочувствующие глупости. Зачем это все?! Все во мне просто вопило, сам же словно деревенел от напряжения. Я не понимал происходившего, но не собирался ломать задумку Роуда. Потому еще десять минут стойчески выдерживал напор девушек, несколько раз односложно отвечая на их вопросы и меланхолично кивая и благодарно, со слабой улыбкой принимая ласку.

Наконец мучение завершилось, Роуд и девушки раскланялись, и мы разошлись в разные стороны.

Мужик ехидно посмотрел на меня и сощурился, словно довольный кот. Наконец он распахнул край камзола и продемонстрировал краешек жемчужного ожерелья, которое я определенно видел в начале знакомства на одной из дам. Вот в чем дело! И теперь я смотрел на напарника (?) с уважением и немалым восхищением. Действительно, стоимости такой вещи я не заработаю и за полгода.

— Твоя — десятая часть, — деловито уточнил Роуд, пряча ожерелье обратно во внутренний карман. — Ну как, нужна работа?

Он еще спрашивал! Такой возможности восстановить родной дом я не мог упустить.

Вот так и познакомились, начали вместе работать — с того дня и по это утро. Напарник, наставник, друг — ушел. С одной стороны, я четко понимал — иначе быть не могло. При снятии денег в банке фиксируется аура человека, по которой обличить преступника не составит труда. Достаточно провести рядом с подозреваемым специальным амулетом — к счастью, слишком редким и дорогим, да еще требующим постоянной подзарядки магом, чтобы его таскал с собой каждый страж. Однако ради той суммы, что мы получили, вполне могут выделить пару-тройку, чтобы проверить гостиницы и отходящие поезда. Остается только бежать в соседнее владение, пользуясь недешевыми услугами надежных людей. И второй человек при таких перемещениях будет только обузой. Там, за Стеной, его уже не будут искать. Повелители другого края не позволят лезть чужой власти на свою территорию, впрочем, как и наши.

Жизнь продолжается. Надо просто переключиться на какое-нибудь другое дело, и тоска пройдет. С такими мыслями я принялся перебирать вещи в оставленном Роудом чемодане. Действительно — мой размер, только вот бывший владелец был куда шире в талии. Не беда, Марта перешьет. Нехилый набирается гардеробчик, удовлетворенно отметил, надевая строгий костюм с вплетением серебряной нити.

Если кого волнуют вопросы совести — то уж точно не меня. Роуд никогда не забирал последнего. Все наши «клиенты» переживут эту жизненную проблему вполне нормально и бескровно, благо весьма небедные люди. Мы не требуем денег с ножом у горла. Не похищаем людей. Не шантажируем. И еще десяток «не», которые отличают разбойников, воров и убийц от благородной профессии авантюриста.

Ради веселья решил примерить довольно комичную ночную пижаму. Неужели парень в таком возрасте это носил? Цветастая, в многочисленных бабочках, она куда больше подходила бы девчонке. В зеркале напротив отразился невысокий жилистый парень с длинными черными волосами в цветастом кошмаре. Ужас, конечно, но настроение заметно поднялось. Напоследок привычно проверил карманы —

вдруг старый хозяин забыл мелкую монетку? И наткнулся на прохладный прямоугольник металлической таблички.

Медная пластинка десять на пять сантиметров, миллиметра два толщиной, одарила солнечным зайчиком и небольшим выгравированным текстом. Прикрыв ладошкой прямоугольник от света, я с удивлением всматривался в сочетание символов первой династии заглавной фразы, произношение которых было мне неизвестно, зато я точно знал перевод. Как и каждый в этом городе, кто проходил мимо величественного здания столичной Академии магии с абсолютно такой же надписью на фасаде.

По плоскости пластинки шел многоцветный замысловатый узор, меняющийся под разным углом. Подлинная.

Да, такую вещь вполне можно было хранить в ночной пижаме, доставая перед сном и каждое утро, дабы полюбоваться мечтой любого подростка.

Билет в лучшую жизнь, билет в мечту. Двери в Академию были открыты для всех сословий, если не учитывать одного «но» — стоимости обучения. Поистине титаническую сумму мог выложить не всякий зажиточный купец. Нет денег — нет места в Академии, с этим было строго, но даже наличие денег не гарантировало покупки вот такой пластинки.

Пластинки выдавали в качестве платы магам-наставникам, и они сами определяли ее стоимость, кому и когда продавать. Надавить, заставив продать, было невозможно — хотя некоторые самоубийцы пытались. Срока действия у этих билетов не было, так что иные богатеи выкупали билет заведомо, не дожидаясь, когда чаду исполнится шестнадцать.

Зато все, кто выучился в стенах древней колыбели науки, могли рассчитывать на очень хлебное место в жизни, гарантирующее солидные деньги, стабильно и без особых хлопот. Прямо как я люблю.

«А почему бы и нет?» — искрой пронеслась в голове озорная мысль, а лицо впервые за день озарилось веселой улыбкой.

Пластинка переместилась в потайной карман рубашки. Странно, но не было никакого трепета в ее отношении. Бывают суммы, к которым относишься просто как к цифрам, и это именно тот случай. Если попытаться представить, что можно купить за такие деньги, — выйдет дом, еще один дом, еще

один дом, карета, еще одна карета, и таким образом можно перечислять еще долго. Настоящее состояние, если удачно продать. С лихвой хватит и на мою мечту. Другое дело — как повернуть такую сделку, оставшись в живых и при деньгах? В кругу моих знакомых помощи искать не следует — убивали и за меньшие деньги, в лучшем случае просто отнимут. Бежать в поисках Роуда уже поздно.

Выбор у меня был довольно нехитрым — или пойти в Академию, или ждать два года до совершеннолетия и попытаться самостоятельно продать билет. Два долгих года крутить в руках пластинку каждый день, разрываться в сомнениях о правильности выбора. Проще сделать шаг вперед.

Быть выпускником Академии даже в чем-то предпочтительнее неожиданного богатства. Статус мага весьма уважаем, да и заработки опять же на высоте. Какая разница между огромной кучей денег через два года, в будущем, и просто кучей денег, но чуть позже? Да никакой.

Академия выпускает два вида магов — военных и гражданских. Мой билет медный, как рассказывал Роуд, гражданский. У военных — серебряные. Впрочем, воевать за чужое владение мне совершенно не хочется. Моя родина где-то на севере, откуда шесть лет назад приехали родители. О старой родине они рассказывали неохотно. Знаю только, что там меня никто не ждет, оттого и не интересуюсь.

Маги. Как много волшебного в этом слове, воображаемого толпой, обожающей ужасы и скандалы. Жизнь куда скучнее.

Гражданские маги-специалисты создают элементалей, больших и малых — в меру своих сил. Силу больших элементалей переводят в энергию. Сильный, талантливый маг может пробудить к жизни стихию огня, способную долгие месяцы превращать воду в пар. Пар в свою очередь будет вращать лопасти генераторов, а генератор — производить электричество для целого города. Водный элементаль в силе прокачивать массивы воды через гидротурбины, воздушный — крутить ветрогенераторы. Благодаря всем им горит свет, есть тепло в домах, течет вода в кране и еще сотни вещей, без которых современный человек и представить не может своей жизни.

Маги послабее специализируются на менее громоздких агрегатах — котлах паровозов и пароходов, небольших генераторах богатых поместий.

Самые слабые занимаются «консервацией» силы призванных мелких духов в кристаллы, что питают малые приспособления — от декоративных шкатулок до ручного оружия.

Конечно, все это существует и без магии, на угле, порохе и силе пружин, но в разы хуже, шумнее, слабее, грязнее и ненадежней. Да, доступней и проще, однако если есть выбор и деньги — выберут мага, в любом деле. Именно поэтому любой выпускник академии будет обеспечен на всю оставшуюся жизнь — работой, золотом и уважением.

Кроме базовых умений, собственно, обычному магу ничего и не надо. Все остальное, в том числе ужасы *огненных дождей*¹ и трепет схваток, — удел военных, немногочисленной касты высшей аристократии. Обычным людям это недоступно.

Я снял с себя забавную пижаму и перекинул ее в кучу «бесполезных» вещей. День уже удался, осталось проверить карманы пары костюмов — вдруг и в них найдется что приятное? И можно будет уходить.

Придирчиво отобранные вещи компактно разместились в двух баулах. На плечи лег любимый плащ, оставшийся еще с прежней, благополучной жизни. Его приобрели для меня родители на старой родине, здесь таких не продавали вообще — не по виду, но по свойствам. Со стороны отличие было совершенно незаметно — обычная черная ткань, немаркая, непримечательного фасона. Зато в нем в любую погоду было тепло. Существовал и обратный эффект — плащ надежно скрывал тепло обладателя, потому частенько использовался мною в работе. Самый дешевый вид магической охраны настраивается на разницу в температурах и широко применяется для защиты домов. Может, потому и нет аналогичных моему плащей в магазинах.

Внимательно оглядел комнатку, поправил складки на заправленной постели и двинулся на выход. Ненужные мне вещи в оставленных сундуках приберет обслуга.

Вряд ли старые владельцы увидят в перешитых вещах что-то знакомое, даже если наткнутся на них в лавке старьевщика. Сундуки обычные, недорогие, в свою очередь тоже найдут применение или будут проданы. Жалко терять лишние монеты, но на своих двоих за один раз я все не вынесу, а курсировать дважды — значит привлечь лишнее внимание.

---

¹ Здесь и далее курсивом отмечены наименования заклятий.

Каждый день мимо равнодушных глаз зрителя доходного дома проходили сотни жильцов, обменивая потрепанные ключи к свободным комнатам на медные монеты. Лица, силуэты, костюмы, нехитрые диалоги и жалобы на плохую погоду сливались в единый образ клиента — довольно потрепанного жизнью небогатого горожанина. Иные не появлялись здесь, предпочитая места поприличнее. Все же, кто хоть как-то отличался, надолго задерживались в его памяти. Зритель любил придумывать разные истории подобным господам, пытаясь догадаться о причинах их появления. О! В его фантазиях проживали десятки шпионов, заговорщиков, неверных мужей, проигравшихся в пух и прах дворян и даже пара беглых чернокнижников. Сегодняшний день был особенно удачен — свой номер покинул загадочный молодой господин, а вслед за ним — невысокая фигура в плаще с капюшоном, с объемными баулами. Как интересно! Будет над чем поразмыслить в долгую смену. Рука привычно выдвинула из-под стойки блокнот, а другая мелким почерком вписала пару строчек с характерными приметами. Вместе с фантазиями была и проза жизни — содержимое блокнота раз в месяц ложилось на стол полицейскому чину. Невысокая плата за спокойствие и теплое местечко.

ГЛАВА 2

В каждом городе есть богатые и бедные районы, благополучные и криминальные. Их границы весьма условны, меняются с ходом времени, огибают полицейские посты, проходят по крупным дорогам, останавливаются на берегах реки, вклиниваются в товарные ряды рынков. Местный житель знает, куда не стоит заходить в ночную пору, а какие места нужно обходить даже днем, а вот приедем лучше поискать себе проводника. Арни — огромный город, но дело даже не в его размерах. Некогда на его месте был мегаполис первой династии, великих строителей, здания которых по сей день живым памятником возвышаются над городом. Часть построек уничтожена войнами, но солидное их число все еще в идеальном состоянии. Самая крупная уцелевшая застройка служит городу центром, но даже на окраинах можно обнаружить ше-

деврой древней архитектуры. Потому и не угадаешь так сразу — вывернут ли тебе карманы за углом роскошного трехэтажного дома или же вежливо подскажут дорогу.

Дом, где работала, а с некоторых пор была хозяйкой Марта, находился на границе бедного квартала, но ходить там можно было смело даже ночью — здание принадлежало одному из хозяев криминального мира, и озоровать в его близи не осмеливались. Сам господин Баргозо вовсе не походил на бандита, он выглядел скорее как бухгалтер, если бы не выправка, с головой выдававшая в нем отставного военного. Ко мне и моим частым посещениям Марты он относился нейтрально, а на попытки Марты обкормить меня до круглого состояния и ее маниакальное желание лично заниматься моим гардеробом реагировал с усмешкой. У Марты уже год как были личные служанки, но все, что касалось лично меня, она предпочитала делать своими руками. Марта была моей няней с самого юного возраста, я всегда относился к ней хорошо, как и вся моя семья. Теперь же она заботилась о сироте в меру своих возможностей и моего разрешения, не переходя определенной, установленной мною черты. Раздражать Баргозо, даже невольно, мне не хотелось. С другой стороны, если я не появлялся у Марты хотя бы раз в неделю — она уже была тревогу, так что, оставив ей приобретенные вещи и выполнив тем самым план по визитам на неделю вперед, я двинулся домой.

Мой дом тоже выбивался из привычной схемы благополучных районов. В свое время город выбирал, куда расти, — на восток, ближе к реке, или на север, ближе к лесу. С обеих сторон городу достались в наследство от древних целые кварталы, вопрос был в проведении коммуникаций и обеспечении социальными службами. Выбор пал на северную часть, где и купили в свое время дом мои родители. Жилье было дорогим, соседи — приличными. Мама занималась преподаванием, довольно легко набрав учеников среди соседей, не забывая само собой, и меня. Отец пропадал с утра до вечера на службе, каждый вечер возвращаясь с подарком для меня и цветами для матери. Потихоньку формировался зажиточный спальный квартал, с собственным рестораном и даже небольшим театром. Потом случился большой пожар, от которого десятки зданий потеряли свое свойство самовосстановления,

и город поменял вектор развития. Градоначальники побоялись, что и другие древние дома будут рушиться, как самые обычные. Все новое жилье ныне осваивалось на востоке. Мой же район замер в развитии, хоть и остался вроде как приличным, но с червоточиной разрушенных зданий посредине. Почти никто не решился восстанавливать свое жилье — слишком дорого, почти в цену нового здания. Кроме меня.

Всякие люди пытались селиться в брошенных постройках, иногда безобидные, иногда опасные. На ночь люди в окрестных кварталах предпочитали поплотнее закрыть ставни и проверить замки. Естественно, каждый из них мечтал, что когда-нибудь остовы строений снесут до фундамента, возведут на их месте сад или же новострой. Да хотя бы небольшой рынок — и то соседство спокойней! К счастью, бюрократия была сильнее их гневных писем губернатору. На все разрушенные дома имелись документы, оформленные, что удивительно, всего на одного человека — Марту Гесс. В свое время пришлось изрядно покрутиться, чтобы выкупить права собственности у погорельцев и отвалить конкурентов. Желающих нажиться на горе ближнего было на удивление много. Тогда еще было неочевидно, что город повернет к реке.

Частных лиц отваживал растрепанный местный паренек убедительными байками о призванном восьмом звере, проклятии, проснувшейся заразе. Люди охотно верили: уничтожение древних самовосстанавливающихся построек — нерядовое событие. С деловыми людьми разговаривали люди Баргозо. Стоили такие беседы едва ли не дороже самих домов, потихоньку выкупаемых за бесценок на имя Марты. Результат стоил того. Квадратный километр территории города со всем, что на нем находилось, принадлежал мне.

В центре квартала высился родовой дом — его-то я и приводил в порядок в меру заработанных денег. Как-то сами собой прибились строители с прорабом во главе, довольно неплохие в трезвом состоянии люди. В пьяном же я их почти не видел — не потому, что они внезапно исправились, а потому что знали мое отношение к спиртному. Местная молва уверенно связывала меня с именем Баргозо, то объявляя меня дальним родственником, то внебрачным сыном. Опровергать слухов я не спешил — благодаря им меня не трогали и стара-

лись вести дела честно. Самоубийца среди ночной братии не было.

Если посмотреть со стороны — довольно неподъемное и бесполезное занятие для несовершеннолетнего без родни, если не знать подоплеку событий пятилетней давности.

Все началось с болезни матери. Неожиданно молодая, сильная женщина за каких-то пару месяцев потеряла все здоровье и превратилась в еле живую тень самой себя. Еще через месяц отказали ноги. За три месяца сменилось шестеро врачей, отец забрасывал врачей деньгами, выписывал целителей из других городов, приводил военного колдомедика, но все было тщетно. Через полгода после начала болезни мать умерла, просто не проснувшись однажды утром. За день до смерти я говорил с ней в последний раз — она словно знала о скорой беде и просила отца оставить нас наедине. Мама называла мне десятки имен, разделяя их на друзей и врагов, раз за разом требовала, чтобы я их повторил и запомнил накрепко, передала медальон-пластинку, перевесив слабеющими руками со своей шеи на мою, с мольбой хранить, не снимать, не показывать. Беседа быстро исчерпала ее силы, и тихий голос сменился еле слышным дыханием полусна-полуобморока.

Отец был вне себя от горя, он ее очень сильно любил. Уко-рял себя, что не увез ее куда-то. Забросил службу и целыми днями пытался утопить тоску в стакане. За мной присматривала Марта, но вскоре и она покинула нас — как бы она хорошо ни относилась к покойной матушке и ко мне, жить на что-то было нужно, а отец совсем перестал ей платить. Вскоре на пороге объявился сухонький типчик, невысокий, с неприятным водянистым взглядом — один из тех шарлатанов, кого привозил отец, будучи уже в полном отчаянии. Я слышал мельком их разговор, но в тот день не придавал ему особого значения. Что я мог знать? Тип предлагал отцу вернуть мать — не к жизни, нет, но оживить ее в фантазиях, мечтах, грезах. Отец был пьян, как и всегда, потому легко согласился на увещевания и принял из рук той сволочи опиумную сигару, бесплатную на первый раз. После этого дня тип стал появляться в нашем доме каждый день. Отец перестал реагировать на внешние раздражители, пытался тем, что приносил тип вместе с новой дозой опиума. Я ничего не мог поделать, мои слова игнорировались с блаженной улыбкой счастливого человека,

пребывающего не здесь. Разговоры с тем хмырем завершились фингалом под моим глазом и предупреждением не лезть не в свое дело. Я уходил к Марте на ее новую работу — именно тогда она устроилась на кухню к Баргозо. Иногда забирался на чердак дома, брал в руки учебные тетради матери, вчитывался в ровные строчки изящных букв, пытаюсь отстраниться от происходящего в надежде на чудо. Чудо не наступило, стало только хуже. Деньги у отца быстро кончились, а крики от ломки пробирали даже сквозь толстый пол чердака. Из дома стали пропадать вещи. Вот тогда-то на меня накатило, смесь осознания того, что все вокруг — реальность, а не ночной кошмар, вместе со страхом и ужасом происходящего.

В следующий период пребывания отца в дурмане я привел домой Марту. Я надеялся на совет и помощь, но реальность оказалась хуже — небольшой монолог от няни огласил приговор отцу. Из оков зависимости не выбираются, дальше будет только хуже. Вместе с ней мы собрали все ценные вещи из тайников и унесли из дома. На следующий день привели гостиную в порядок, вымыли окна, приодели и помыли тело отца, чтобы через пару часов в присутствии нотариуса переписать здание на Марту и оформить листы опеки и завещания в случае гибели главы семейства. Я и сам понимал, что рано или поздно наступит конец, а после решения всех юридических вопросов начал к нему активно готовиться.

Не скажу, что в тот решающий день я был спокоен, собран и не сомневался в своих поступках. Помню, подошел к отцу, пытаюсь в какой раз понять, каким образом молодой мужчина, воин, наемник превратился в глубокого морщинистого беззубого старика. Он открыл глаза и впервые за много дней узнал меня.

— Ник, сынок! Прости меня! — От его слов сжалось сердце, с горлу подступил ком, а на глаза сами собой навернулись слезы. — Я исправлюсь, обещаю тебе!

Исхудалая рука потянулась к моей голове, я хотел наклониться поближе, подставив волосы под ласку, но его ладонь неожиданно метнулась ниже, к шее, и схватила за золотой прямоугольник амулета.

— Давай мы продадим его и купим лекарства! — Рука с медальоном потянула на себя. Глаза отца лихорадочно бегали, а на лбу выступила испарина от напряжения.

Я с силой вырвал медальон обратно и сделал несколько шагов назад.

— Негодный мальчишка! Ненавижу тебя! — заходило слюной то, что некогда было моим отцом.

Вот после этого момента у меня не осталось никаких сомнений. Я спрятал подаренный матерью медальон обратно под рубашку и выбежал из комнаты, чтобы выполнить последние приготовления. Увы, мой отец был мертв, жила лишь его оболочка.

Ночью вновь прибыл тот якобы доктор в сопровождении другого человека. Я вышел из дома, достал заведомо спрятанный в траве возле входа деревянный брус и навесил на самодельные петли засова. После этого осталось обойти весь дом, набрасывая бруски поменьше на ставни окон. Верхние ставни были заколочены заведомо, еще два дня назад. Через десяток минут дело было завершено. Из дома уже доносились крики — платить отцу за новую дозу было нечем, а все приличные вещи забрали мы с Мартой.

Недрогнувшими руками поджег пропитанную нефтью тряпку и в последний раз оглядел наглухо заколоченный дом. В традициях воинского сословия, к которому некогда принадлежал отец в старом владении, было ритуальное огненное погребение на холме из тел врагов. Надеюсь, он простит мне небольшое отступление от канона.

Было горько сжигать наследие родных, но я не видел иного шанса достойно завершить трагедию. В тот день я пообещал, что обязательно восстановлю дом. Но вышло немного не по плану. Древнее здание, оправдывая свою репутацию, не захотело гореть. Пламя, забравшееся по тряпке внутрь, быстро погасло в заваленной тряпьем и бумагами комнате, так и не выйдя из нее. От неудачи разум охватила растерянность, потом — тоска и боль, а вслед за ними — гнев на сволочей, с которыми мне так и не удалось покончить.

Я пришел в себя на краю объятых пожаром кварталов. Ноги сами собой привели к дому Марты.

Пожар тушили два дня, каждый день я приходил ранним утром и возвращался к Марте ночью. Тогда-то и пришла в голову странная идея восстановить не только дом, но и все здесь. Денег не было, но были фамильные драгоценности,

предусмотрительно спрятанные от разума, поврежденного алкоголем и опиумом. Ими я поклонился Баргозо, объяснив свою нужду. Он считал меня кем-то вроде любимого племянника Марты, которую в тот момент уже уверенно можно было считать хозяйкой дома. Сметливая, умная, верная и красивая женщина очень быстро охомутила старого циника.

Денег едва хватило на здания и услуги самого Баргозо, думаю, мне даже сделали скидку. На все остальное предстояло заработать. И с этим мне тоже помог наниматель Марты. Место на вокзале — очень даже солидная и доходная работа, попасть туда со стороны невозможно. Пришлых моментально сцапает полиция ради улучшения статистики раскрытия преступлений. Так что, можно сказать, мне повезло. И повезло во второй раз, когда я встретил Роуда. И в третий — когда я нашел пластинку. Быть может, она — начало новой светлой полосы? Хотелось бы в это верить.

С такими мыслями я шел по своему кварталу. Странное чувство, когда ты под удивленными, ошарашенными взглядами случайных прохожих сворачиваешь с чистой улицы в сторону гиблого места. Некоторые даже пытаются спасти чадо, забредшее не туда, но подобное редкость. Обычно стыдливо отворачиваются — мол, парень не наш, проблема не наша, да и не видели мы ничего. Для меня же тут чуть ли не самое безопасное место, с определенными оговорками, конечно. Большинство жителей знают, что вот к этому парню подходить не надо, и других удерживают. На моей памяти было штуки три прямых конфликта, и каждый раз все завершалось полной и безоговорочной победой добра. Легкий спринт до тайника с заточенным железным прутком, после чего добро всегда возвращается, чтобы победить медленно бегающее зло. Хотя иногда обходилось и голыми руками, зависит от численности соперника и его состояния. Опять же я не нарывался и в вечернюю пору сидел дома.

Дом теперь напоминал небольшую крепость, со всеми атрибутами — высокой стеной, увитой плющом колючей проволоки, заколоченными окнами первого этажа, арбалетом на чердаке и охраной из отдыхающей смены работников.

Строительство дело небыстрое, да и приличные деньги на него стали появляться совсем недавно, но стены, внутренние перекрытия уже восстановлены, всюду поднимается крыша.

Опять же восстановлена проводка и канализация. Лично для меня приведена в порядок комната на верхнем этаже, с кроватью, столом и тумбой. Скромно, практично и очень приятно. Хотел было прилечь на пару минут, но организм решил иначе и отключился до утра.

Разбудил меня громкий стук в дверь, предположительно ногами.

На пороге недовольно дожидался личный порученец господина Томаса Баргозо. Вот уж кого с чистой совестью можно назвать бандитом. Шрам на лице, рост под два метра и плечи с дверной проем, господин Вильгельм, для своих — Вилли. Рабочие его знали, потому и пропустили за стену.

— Уже ждет, — проворчал, развернулся ко мне спиной и двинулся вдоль дороги.

Он всегда был недоволен — во-первых, тем, что приходилось идти пешком с края квартала: дороги были все еще завалены, во-вторых, считал ниже своего достоинства лично кататься за каким-то подростком. Стоило поторопиться — с него станется уехать без меня.

Шустро накинул на плечи любимый плащ, некоторое время колебался, но все-таки взял с собой медную пластинку. Вряд ли меня вызывал к себе Сам по иному поводу.

По местным правилам она была моей. Я не работал на гильдию и не обязан был с нею делиться. Роуд оплатил «гастроли», так что и с этой стороны ко мне не может быть никаких претензий. Правда, у гильдии в лице Баргозо может быть иное мнение.

Легкая пробежка вслед за довольно далеко ушедшим мордоротом прочистила сознание и настроила на деловой лад. Который, правда, просуществовал каких-то пятнадцать минут поездки и моментально улетучился под внимательным взором хозяина Марты. Все слова и доводы сразу же показались какими-то надуманными, мелкими и невзрачными. Сам же я ощутил себя насекомым на лабораторном столе любопытного ученого.

— Чего вчера не задержался? — изобразил радушие господин. — Марта приготовила дивный ужин.

Без лишних слов я достал пластинку и придвинул ее на центр стола. Взгляд Томаса равнодушно прошелся по ней, словно не замечая.

— Умный парень. Но дурак, — вздохнул Баргозо и сцепил пальцы перед собой. — Наверное, уже возомнил себя великим магом? Нищий мальчик без семьи приходит в Академию учиться. Какое совпадение, ровно на следующий день после громкого ограбления, в котором похитили вступительный билет. Общественность удивленно вздыхает — бывают же в жизни совпадения!

Я поморщился, как от зубной боли. Действительно замечтался.

— Продать сможете?

Не лучший вариант, комиссию Томас берет дикую, потому-то я и не хотел с ним связываться. В свое время я бы продал его сам, но сейчас-то куда деваться, за советы тоже надо платить.

— Продать? — Баргозо смотрел на меня, будто впервые видел. — И сколько же ты хочешь?

Неприятный комок появился в животе, ощущение близких неприятностей.

— Десять тысяч?

— Вот как. Монетами? Сертификатом? Чеком? Рекомендуемые ценные бумаги. — Он смотрел равнодушно, словно сквозь меня.

Плохо. И еще хуже то, что я не понимаю причин. Гильдия никогда не забирает все силой, правило доли соблюдается строго. А он меня словно уже похоронил. Стоп, есть причина.

— Слишком много денег для одиночки, да?

— Да брось, кто узнает? — Тон делано-удивленный.

— Люди на вокзале подскажут, кто покупал у них информацию о приезжающих. Грузчики меня не видели, зато нашему актеру платил я сам. Хоть он уехал в тот же день, но нанимали мы его через гильдию. Там знают имя. Долю мне выделяют по закону. Затем отнимут, вместе с жизнью.

Мне показалось, или Томас доволен ответом?

Баргозо встал из-за стола и начал расхаживать по кабинету.

— Марта беременна. — Неожиданное начало! — Нельзя ей сейчас волноваться. Так бы потерялся ты в плохом районе, как она всегда и боялась.

Благоразумно молчу. Думаю, ему мои поздравления вообще неинтересны. Неожиданно по телу пробегает холод, а с языка само по себе срывается:

— Роуд. На него могли подумать. Он смог выбраться?

Баргозо останавливается, чему-то улыбается и, видимо, приняв какое-то решение, вновь садится в кресло.

— Я уж подумал, ты захочешь на него все свалить, — хмыкнул бандит. — Мол, убежал подельник с пластинкой, а тебе ни слова не сказал. Все с ним в порядке. Я лично договаривался о поезде для него, поэтому на рассвете он уехал на пароходе. На поезде его уже ждали: даже без пластины слишком велик куш. Человек залетный, чужой. Передо мной бы извинились, конечно, — Томас огорченно вздохнул. — Жив он, все с ним хорошо. И совсем наоборот с теми, кто ждал его у поезда.

— Выходит, даже без этой пластинки меня будут искать. — Настроение портилось с каждой минутой.

— Догадливый. Об ограблении уже знают писаки, завтра одна половина города будет осуждать, а вторая завидовать краже целой кучи золота. Надо бы тебя куда-нибудь спрятать.

— Так, может, в Академию? — покосился я на пластинку, как кот на сметану. — Составить правдоподобную легенду... Туда то уж точно не доберутся.

— Тогда Роуда будут искать еще и за нее. — Баргозо придвинулся поближе и с интересом ждал решения. — И его обязательно найдут, наши или тамошние.

— Ладно, не судьба так не судьба. — Хорошо хоть все произошло быстро, я не успел привыкнуть к ней, не успел представить себя учеником, в общем, не завяз в мечтаниях. Так расставание вышло бы куда более тяжелым, но оно все равно было бы. Пусть даже я больше никогда не увижу Роуда, предавать я его не собираюсь. Подвинул пластину еще ближе к собеседнику. — Дарю.

— Даже так?

— Даже так. Не принесла она мне удачи, не принесут и деньги с нее. — Вот от денег было отказываться очень тяжело, но пришлось. Все вышло на поверхность, скрыть подобные суммы будет невозможно. Ради меня Томас не пойдет на риск тайной выплаты доли за спиной у гильдии. — Надеюсь, вы широко осветите тот факт, что у бедного сироты больше нечего взять?

— Понадобится неделя, чтобы все уладить. — Баргозо был доволен. Непонятно — самой добычей или мною лично. Второй вариант возникает из того соображения, что я, в об-

щем-то, полностью в его власти. Захотел бы отнять — я бы и пикнуть не успел.

— Могу быть свободным? — Мне еще надо успеть выдать деньги прорабу и найти уютное местечко на недельку. Есть пара точек на примете.

— В Академию все еще хочешь? — В голосе Томаса некое веселье. Опасно это все.

— Мы же все решили? — Правда, на языке совсем другой ответ. Сила воли победила, я непринужденно поднялся со своего места, дабы откланяться.

— Присядь. — Веселье не уходило. Не к добру. — Есть один вариант. Сослуживец со мной связался, он нынче не последний человек в доме Волка. Внучка у него поступает в этом году, шестнадцать лет — твоя ровесница, по серебряному билету.

— Девушка? На военный факультет? — заполнил я вознившую паузу очевидным вопросом.

— Ну да. Сослуживец-то ее как пацана воспитывал, ждал-ждал от семьи сына внука, так и не дождался. В итоге плюнул и забрал к себе внучку с малых лет. Боялся, что померет и достойной смены не подготовит.

— А как же сын? — Бывают же у людей причуды.

— Да, видимо, не очень, раз позволил единственного ребенка из дома забрать, — развел руками Томас. — В общем, воспитал он девку достойно, сейчас вот в Академию направил. Да вот незадача: в день перед отъездом застал он ее вместе с партнером по тренировкам за совсем другим делом. Вспылил изрядно, не удержался, сильно поломал слугу. Ищет теперь замену, хотя бы на пару недель, пока не наймет нового. Ко мне вот обратился. Нужен, говорит, порядочный, иначе яйца отрежу и жрать заставлю. Тебя же отец тренировал в свое время?

Весь монолог я слушал в каком-то полуизумленном состоянии. Рассказать кому — не поверят.

— С четырех лет, — автоматически ответил и еле сдержался, чтобы не дать себе по губам. Слугой при девке? Бесплатно? Никогда. — Но уже давно все забылось, я не хочу вас подвести. Боюсь, не справлюсь.

— А Марта говорила, что отец занимался тобой вплоть до болезни супруги, — ехидно произнес Баргозо. — Рабочие на

стройке так вообще каждое утро на твои ужимки смотрят. Или ты это так, из баловства?

Подловил. А еще кто-то из рабочих стучит.

— Зачем ей тренировки на военном курсе? — мрачно уточнил.

— По серебряному билету три года учатся на обычном курсе и только потом переходят на военный. Так что первые три года она будет тренироваться самостоятельно, чтобы не растерять навыков. Разумеется, с партнером это дело сподручнее.

— Ну, две недели-то могла бы и потерпеть, — с сомнением протянул я, лихорадочно подыскивая причину для отказа. Очень уж не хотелось терять время. Если признаться честно — сильно коробило, что час назад я мог поступить туда учеником, а сейчас должен буду прислуживать высокородной. При этом понимаю, что ученичество быстро бы закончилось в застенках стражи, но вкус мечты остался.

— Зачем, если есть ты?

— Но почему именно я? Разве в городе закончились обученные бойцы? — уцепился я за пришедшую мысль. — Да взять любого отставника — и то будет лучше!

— Любого не получится, таковы правила для слуг — только равного возраста. — Считается, что слуги будут помогать учиться, а ровесникам это делать проще. Впрочем, лично для меня это спорное суждение. — Иначе бы и проблемы с поиском не было, — Баргозо развел руками.

— Значит, тренер. И ничего сверх этого? — вздохнул я, чувствуя, что от сомнительного задания не отвертеться. Тренер-то не слуга, а если еще заплатят — вполне терпимо.

— Как госпожа повелит. Потерпишь, не переломишься. Не кисни, вся рутина на служанке будет — аристократам дозволено держать двух слуг. Человек ты хороший, в чем я успел еще раз убедиться. Не подведи меня перед сослуживцем! — погрозил пальцем.

— «Я еще безмерно щедрый», вы забыли упомянуть, — проворчал я из вредности. Вот же, а? Забрал кучу денег и навесил проблем.

— Проявишь себя хорошо — обдумаем твоё вознаграждение. Полтора десятка дней — и свободен! А я твои дела улажу.

Расплывчато как-то, но мог и просто приказать.

— Завтра в шесть, гостиница «Белый лебедь». Опаздывать не рекомендую.

— Понял, — грустно кивнул я и пошел к двери.

— Девушку зовут Джейн, — донеслось вослед. — Шесть утра, не проспи!

Что обычно делает толковый босс после разноса от вышестоящего начальства? Разумеется, устраивает разнос своим подчиненным. Именно такой практики придерживался жрец второго ранга Микаэль. Виновник его дурного настроения задерживался, тем самым усугубляя свою бесспорную и заведомо доказанную вину.

Впрочем, наказание уже не будет хуже, что весьма расстраивало Микаэля, вынужденного жариться под летним солнцем.

Обычно в часы, когда лучи заходящего светила заглядывали к нему в кабинет, жрец был уже дома, но сегодняшнее собрание у верховного изрядно затянулось.

Поэтому Микаэль вынужден был потеть в парадном одеянии, ежеминутно промакивая салфеткой преющую под роскошным головным убором лысую голову. Снять бы тюрбан вовсе, да не положено по статусу. Вдруг кто войдет — позора не оберешься, да и слухи пойдут.

Микаэль стеснялся своей ранней лысины, но страх его уходил куда глубже обычных комплексов. В храме Быка, символе плодородия и урожая, подобный дефект мог выйти боком карьере. Еще скажут, мол, не растет, так как Сам отвернулся от нерадивого жреца. Людей снимали и по меньшим наветам.

Потому когда в двери вошел виновник, Микаэль даже обрадовался ему, но моментально вернул на лицо строгое выражение.

— Есть новости? — без особой надежды на хорошие вести дежурно спросил жрец.

— Мы активно ведем розыски на всей территории владения! — преувеличенно бодро начал доклад подчиненный. — Агенты докладывают о трех возможных кандидатах.

— Уже второй раз ведете. И уже штук двадцать похожих пар нашли, но все мимо, — лениво отмахнулся жрец. — Ваша ошибка привела к гневу верховного.